

РАЗДЕЛ IV

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Уильям Томас и Флориан Знанецкий

Понятие социальной дезорганизации¹

Из введения к четвертому тому (с. x–xi)

(...) В этих условиях [самодостаточности, изолированности общности] первым результатом растущей связи между общностью и внешним миром является, естественно, более или менее продолжительный процесс дезорганизации. У членов группы развиваются новые установки, которые не могут адекватно контролироваться старой социальной организацией, поскольку не могут найти адекватного выражения в старых первично-групповых институтах. Группа пытается защитить себя от дезорганизации методами, сознательно направленными на усиление влияния традиционных правил поведения. Однако эти попытки, часто эффективные пока внешние контакты остаются ограниченными некоторой отдельной областью интересов, становятся все менее и менее действенными, когда эти контакты продолжают развиваться и постепенно распространяются на все области социальной деятельности. (...)

Эта проблема является, очевидно, единой для всех обществ в периоды быстрого изменения, как для первобытной группы, вступившей в контакт с западной цивилизацией, так и для более обширной и высокоорганизованной современной национальной группы, где быстрый рост новых установок не обуславливается более внешними влияниями, а является следствием внутренней сложности социальной деятельности. (...)

Из главы «Понятие социальной дезорганизации» (том IV, с. 1–6)

Понятие социальной дезорганизации в том значении, в каком мы будем его использовать, ...относится прежде всего к институтам и только затем – к индивидам. Подобно тому, как групповая организация, воплощенная в социально систематизированных схемах поведения, которые налагаются на индивидов в качестве правил, никогда точно не совпадает с жизненной организацией индивидов, воплощенной в лично систематизированных

¹ Перевод И.Ясавеева по: Thomas, W.I., Znaniecki, F. *The Polish Peasant in Europe and America*, Boston, vol. 1–5, 1918.

схемах поведения, так и социальная дезорганизация никогда в точности не соответствует индивидуальной дезорганизации. Даже если мы представим себе группу, лишенную всякой внутренней дифференциации, то есть группу, в которой каждый член принимал бы все социально санкционированные правила поведения (и ничего кроме них) в качестве схем своего собственного поведения, все же он в процессе своего существования систематизировал бы эти схемы различным образом, создавал бы различную жизненную организацию вне этих схем, поскольку ни его темперамент, ни история его жизни не были бы теми же самыми, что темпераменты и судьбы других членов. В сущности, такая однородная группа есть чистая фикция, поскольку даже в наименее дифференцированных группах мы находим социально санкционированные правила поведения, которые явно относятся лишь к определенным классам индивидов, не используются другими и используются третьими в сочетании с некоторыми личными схемами собственного изобретения. Более того, прогресс социальной дифференциации сопровождается ростом специальных институтов, деятельность которых заключается в систематической организации определенного числа социально отобранных схем для постоянного достижения определенных результатов. Институциональная организация и жизненная организация любого индивида, посредством деятельности которого институт социально реализуется, частично совпадают. Однако один индивид не может полностью реализовать в своей жизни всю систематическую организацию института: последний всегда предполагает сотрудничество многих; с другой стороны, каждый индивид имеет множество интересов, которые должны быть организованы вне этого отдельного института.

Безусловно, существует определенная взаимозависимость между социальной организацией и индивидуальной жизненной организацией. Социальная организация оказывает влияние на индивида; в свою очередь, жизненная организация индивидуальных членов группы, в частности, жизненная организация ее ведущих членов, влияет на социальную организацию. Однако природа этого взаимовлияния в каждом отдельном случае представляет собой проблему, которую необходимо исследовать, а не принимаемую безоговорочно догму.

Эти моменты необходимо иметь в виду для понимания вопроса о социальной дезорганизации. Мы можем кратко определить социальную дезорганизацию как *уменьшение влияния существующих социальных правил поведения на индивидуальных членов группы*. Это уменьшение может иметь бесчисленное множество степеней от одного нарушения какого-то отдельного правила одним индивидом до полного распада всех институтов группы. Таким образом, социальная дезорганизация в этом смысле не имеет никакой определенной связи с *индивидуальной дезорганизацией*, которая заключается в *снижении способности индивида организовывать всю свою жизнь для эффективной, прогрессивной и продолжительной реализации своих фундаментальных интересов*. Индивид, который нарушает некото

рые или даже большинство социальных правил, преобладающих в его группе, действительно может делать это вследствие того, что он теряет минимальную способность жизненной организации, требуемую социальным конформизмом. Однако он может также отвергать схемы поведения, навязываемые его окружением, когда они мешают ему в достижении более эффективной и более всесторонней жизненной организации. С другой стороны, социальная организация группы может быть постоянной и сильной в силу того, что отсутствует оппозиция существующим правилам и институтам, однако это отсутствие может быть простым результатом узости интересов членов группы и может сопровождаться крайне недоразвитой, механической и неэффективной индивидуальной жизненной организацией каждого члена группы. Верным также будет и то, что сильная групповая организация может являться и продуктом сознательного морального усилия ее членов и, таким образом, соответствовать очень высокой степени жизненной организации каждого из них в отдельности. Следовательно, на основе социальной организации или дезорганизации невозможно сделать вывод относительно организации или дезорганизации индивидуальной или наоборот. Иначе говоря, социальная организация несоразмерна с индивидуальной моралью, равно как и социальная дезорганизация не соответствует деморализации индивидуальной.

Социальная дезорганизация не является исключительным феноменом, ограниченным рамками определенных периодов или определенных обществ. Некоторая степень социальной дезорганизации обнаруживается всегда и везде, поскольку всегда и везде существуют индивидуальные случаи нарушения социальных правил, которые оказывают некоторое дезорганизующее влияние на групповые институты. Если этим нарушениям не оказывается противодействие, они имеют тенденцию к умножению и ведут к полному разрушению этих институтов. Однако в периоды социальной стабильности эта постоянная начальная дезорганизация постоянно нейтрализуется такой деятельностью группы, как укрепление власти существующих правил с помощью социальных санкций. Стабильность групповых институтов есть, таким образом, всего лишь динамическое равновесие процессов дезорганизации и реорганизации. Это равновесие нарушается, когда процессы дезорганизации не могут больше сдерживаться какими-либо попытками укрепления существующих правил. Наступает период превалирующей дезорганизации, который может привести к полному распаду группы. Чаще, однако, дезорганизации оказывается противодействие, и до того, как достигнуть этого предела, она останавливается новым процессом реорганизации. Последний в этом случае заключается не в простом укреплении распадающейся организации, а в производстве новых схем поведения и новых институтов, лучше адаптированных к изменившимся требованиям группы; мы называем это производство новых схем и институтов *социальной реконструкцией*. Социальная реконструкция возможна только вследствие того, что в период социальной дезорганизации по крайней мере

часть членов группы не стала индивидуально дезорганизованной, а, напротив, работала в направлении новой и более эффективной личной жизненной организации. То есть, по крайней мере часть конструктивных тенденций, предполагаемых индивидуальной деятельностью членов группы, выразилась в усилиях по созданию новых социальных институтов.

Исследуя процесс социальной дезорганизации, мы должны в соответствии с главной целью всей науки попытаться объяснить его каузально, то есть разложить его конкретную сложность на простые факты, подчиняющиеся более или менее общим законам каузально детерминированного становления. Мы показали в первом томе нашего исследования, что в области социальной реальности причинный факт включает в себя три компонента, иначе говоря, следствие, индивидуальное или социальное, всегда имеет составную причину, содержащую как индивидуальный (субъективный), так и социальный (объективный) элемент. Мы назвали субъективные социо-психологические элементы социальной реальности *установками*, а объективные, социальные элементы, которые навязываются индивиду как нечто данное и вызывают его реакцию, *социальными ценностями*. Если мы хотим объяснить каузально возникновение установки, мы должны помнить, что она никогда не порождается одним только внешним влиянием. Установка порождается внешним влиянием, соединенным с определенной склонностью или предрасположенностью – социальной ценностью, оказывающей воздействие на некоторую предзаданную установку, или более точно, обращающейся к ней. Если мы хотим объяснить каузально возникновение социальной ценности – схемы поведения, института, материального продукта – мы не можем сделать это простым возвращением к некоторому субъективному, психологическому феномену “воли”, “чувства” или “рефлексии”. Мы должны принимать во внимание в качестве части реальной причины предзаданные объективные, социальные данные; в сочетании с субъективной тенденцией они и порождают социальную ценность. Иными словами, мы должны объяснять социальную ценность установкой, действующей на некоторую предзаданную социальную ценность или испытывающей ее влияние.

В центре нашего внимания пока находится только явление дезорганизации, и мы временно оставляем в стороне другой процесс – процесс реконструкции. Феномен, который мы хотим объяснить, – это возникновение таких установок, которые уменьшают эффективность существующих правил поведения и тем самым ведут к разрушению социальных институтов. Каждое социальное правило есть выражение определенной комбинации определенных установок; если вместо этих установок возникают какие-то другие, то влияние правила нарушается. Таким образом, могут существовать несколько различных причин, вследствие которых правило может потерять свою эффективность, и еще больше причин, из-за которых институт, всегда заключающий в себе несколько регулятивных схем, может прийти к разрушению. Причинное объяснение всякого отдельного случая

социальной дезорганизации требует, следовательно, чтобы мы находили прежде всего те отдельные установки, возникновение которых проявляется социально в потере влияния существующих социальных правил, а затем пытались определить причины этих установок. Нам следует стремиться, конечно, разложить очевидные многообразие и сложность отдельных социальных процессов на ограниченное число более или менее общих причинных фактов. Это стремление может быть реализовано в исследовании дезорганизации, если мы обнаружим, что разрушение *различных правил*, существующих в данном обществе, есть объективное проявление *подобных установок*, что, иными словами, многие очевидно различные явления дезорганизации могут каузально объясняться одним и тем же. Мы не можем определить какие-либо законы социальной дезорганизации, то есть мы не можем найти причины, которые всегда и везде порождают социальную дезорганизацию. Мы можем только надеяться определить законы социо-психологического становления, иначе говоря, найти причины, которые всегда и везде производят определенные установки. Эти причины будут объяснять также социальную дезорганизацию во всех тех случаях, когда будет обнаружено, что установки, производимые ими, являются реальным основанием социальной дезорганизации, что разрушение данных правил или институтов есть просто объективное, внешнее проявление возникновения этих установок. Наша задача заключается в том же, что и задача физиков или химиков, которые не пытаются найти законы многообразных изменений, которые происходят в чувственных явлениях нашей материальной окружающей среды. Они скорее заняты поиском более фундаментальных законов и более общих процессов, которые, как предполагается, лежат в основе этих непосредственно наблюдаемых изменений и объясняют последние каузально лишь в той степени, в какой может быть показано, что они являются внешними проявлениями определенных более глубоких, каузально объяснимых следствий. (...)

Ричард Фуллер и Ричард Майерс **Стадии социальной проблемы¹**

Наш основной тезис заключается в том, что каждая социальная проблема имеет свою историю, и что исторический подход является многообещающей концептуальной рамкой для исследования конкретных социальных проблем.

---

¹ Перевод И.Ясавеева по: Fuller, R.C., Myers, R.R. 'The Natural History of a Social Problem', *American Sociological Review*: 6, June 1941, pp. 320–328.

Прежде всего поясним, как мы понимаем термины “социальная проблема” и “история”. Понятие “социальная проблема” в том смысле, в каком оно используется в этой статье, может быть раскрыто в ряде положений.

1. Социальная проблема – это условие, определяемое значительным числом людей как отклонение от некоторой важной для них социальной нормы. Каждая социальная проблема, таким образом, состоит из объективного условия и субъективного определения. Объективное условие – это верифицируемая ситуация, существование и масштабы которой могут быть проверены непредвзятым и квалифицированным наблюдателем: например, состояние национальной обороны, тенденции уровней рождаемости, безработицы и т.д. Субъективное определение – это осознание определенными индивидами, что данное условие угрожает определенным значимым для них ценностям.

2. Объективное условие необходимо, но само по себе недостаточно для того, чтобы составить социальную проблему. Хотя объективное условие может быть одним и тем же в двух различных местностях, оно может составлять социальную проблему только в одной из них: примером может служить дискриминация черного населения на Юге и Севере. *...Социальные проблемы – это то, что люди считают социальными проблемами*, и если условия не определяются как социальные проблемы теми людьми, которых эти проблемы касаются, они не являются проблемами для этих людей, хотя могут быть проблемами для других, например, для ученых. (...)

3. В объективном условии, которое определяется как проблема, важную причинную роль играют культурные ценности. Например, объективные условия безработицы, расовых предрассудков, незаконнорожденных, преступности, разводов и войны возникают отчасти вследствие того, что люди дорожат определенными убеждениями и поддерживают определенные социальные институты, которые порождают эти условия.

4. Культурные ценности препятствуют изменению условий, определяемых как социальные проблемы, поскольку люди не хотят поддерживать программы улучшения, наносящие ущерб значимым для них убеждениям или институтам, или требуют отказа от них. Например, одним из возможных “решений” проблемы незаконнорожденных было бы принятие обществом практик контрацепции и аборта, которые сами по себе часто определяются как безнравственные.

5. Социальные проблемы, таким образом, предполагают двойной конфликт ценностей. Относительно одних условий люди расходятся во мнениях о том, угрожает ли условие фундаментальным ценностям. Это касается, например, расовых предрассудков, разводов, детского и неорганизованного труда, войны. Относительно других условий, несмотря на общее согласие в том, что условие представляет собой угрозу фундаментальным ценностям, вследствие расхождения других ценностей, касающихся

средств или политики, люди расходятся во мнениях о программах реформы, например, в отношении преступности, умственных и физических заболеваний, несчастных случаев на автодорогах.

6. В конечном счете, социальные проблемы возникают и существуют потому, что люди не разделяют некоторые общие ценности и цели.

7. Из этого следует, что социологи должны исследовать не только такой аспект социальной проблемы, как объективное условие, но также ценностные суждения вовлеченных людей, которые заставляют их определять одно и то же условие и средства решения различным образом.

Специфические аналитические рамки, которые мы назвали “историческим подходом”, основываются на изложенном выше понимании того, что составляет социальную проблему. Исходя из нашего понимания социальной проблемы, мы приписываем всем социальным проблемам некоторые общие характеристики. Эти общие характеристики предполагают общий порядок развития всех социальных проблем, состоящий в определенной временной последовательности в их возникновении и созревании. “История” в том смысле, в каком мы используем этот термин, является, следовательно, всего лишь концептуальным инструментом исследования характеристик социальных проблем.

Социальные проблемы не возникают как нечто окончательное, созревшее, пользующееся вниманием общины и вызывающее адекватную политику, направленную на их решение. Напротив, мы полагаем, что социальные проблемы обнаруживают временной порядок развития, в котором могут быть выделены различные фазы или стадии. Каждая стадия предвосхищает последующую, и каждая последующая стадия содержит новые элементы, которые отличают ее от предыдущей. Социальная проблема, понимаемая, следовательно, как находящаяся всегда в динамичном состоянии “становления”, проходит исторические стадии *осознания, определения политики и реформы...*

Генезис каждой социальной проблемы заключается в пробуждении у населения данной местности осознания того, что определенным значимым для них ценностям угрожают некоторые обострившиеся условия. Тревога возникает только постольку, поскольку считаются затронутыми эти групповые ценности. Без такого осознания (“проблемного сознания”) у определенных групп людей, будь то ученые, работники управления или одинаково мыслящие соседи, нельзя утверждать, что существует идентифицируемая проблема. Социальная проблема может быть выявлена только тогда, когда она осознается людьми, выражающими свою озабоченность в некоторой коммуникабельной или наблюдаемой форме. Характерной особенностью этой начальной фазы осознания являются постоянно повторяющиеся утверждения людей, вовлеченных в данную ситуацию, согласно которым “что-то должно быть сделано”. Пока еще эти люди не кристаллизовали свое определение настолько, чтобы предложить или обсудить кон

кретные меры по улучшению или устранению нежелательного условия. Вместо этого наблюдается несогласованное случайное поведение, а протест выражается в общих терминах. (...)

Очень скоро после возникновения осознания наступает время обсуждения политики, альтернативных решений. Обсуждаются цели и средства, и конфликт социальных интересов становится интенсивным. Люди, предлагающие решения, вскоре обнаруживают, что эти решения неприемлемы для других. Даже когда они убеждают других согласиться с предлагаемым решением, они видят, что перед ними встает следующее затруднение, связанное с достижением согласия в средствах. Стадия определения политики значительно отличается от стадии осознания, поскольку заинтересованные группы озабочены теперь главным образом тем, “что должно быть сделано”, и люди утверждают, что “следует сделать то и это”. В центре внимания находятся специальные программы. Разнообразные протесты становятся организованными и направленными. (...)

Заключительной стадией в истории социальной проблемы является стадия реформы. Здесь мы находим административные образования, занятые осуществлением сформулированной политики. Общая политика уже обсуждена и определена населением в целом, специальными заинтересованными группами и экспертами. Теперь задачей административных лиц, прошедших специальное обучение, является проведение реформы. Это стадия действия – как общественного, так и частного. Теперь акцентируется не идея о том, что “что-то должно быть сделано” или что “следует сделать то или это”, а тот факт, что “делается то и это”. Общественное действие представлено аппаратом правительственных, законодательных, исполнительных и судебных органов, а также делегированной властью административных судов, специальных инспекторов и комиссий. Это институционализируемая фаза социальной проблемы в том смысле, что мы видим установленную политику, проводимую уполномоченными общественностью исполнительными органами. Реформа может быть также частной по своему характеру, о чем свидетельствует деятельность частных клубов и организаций, частных благотворительных учреждений и церковных групп. (...)

Очевидно, что исторические стадии не являются взаимоисключающими, они имеют тенденцию частично совпадать. Однако в аналитических целях эти три фазы могут быть отделены друг от друга; в реальности же развитие проблемы обычно всегда содержит элементы всех трех стадий. (...)

Эдвин Лемерт

Первичное и вторичное отклонения¹

(С. 75–78) Существует невероятное количество теорий, объясняющих различные отклонения в человеческом поведении, и часто они совершенно не связаны друг с другом. Относительно некоторых типов отклонения, таких, как алкоголизм, преступность или проституция, существует почти столько же теорий, сколько существует авторов, пишущих на эти темы. В немалой степени это вызвано сосредоточенностью на причинах [девиантного] поведения и смешением *исходных* и *действительных* причин. Все эти теории содержат элементы истины и могут быть согласованы с общей теорией если допустить, что исходные причины или условия девиантного поведения многочисленны и разнообразны. Это относится в частности к психологическим процессам, порождающим сходные отклонения, а также к ситуационным обстоятельствам начального отклоняющегося поведения. Человек может начать потреблять алкоголь в чрезмерных дозах не только в силу целого ряда субъективных причин, но также вследствие различных ситуационных факторов, таких, как смерть любимой или любимого, провала в своем деле или участия в некоторого рода организованной групповой деятельности, требующей изрядного потребления спиртных напитков. Какими бы ни были исходные причины нарушения норм сообщества, они важны только для определенных исследовательских целей, таких, как оценка степени “социальной проблемы” в данное время или определение необходимых условий для рациональной программы социального контроля. С более узкой *социологической точки зрения* ...отклонения незначительны до тех пор, пока они не организованы субъективно, не трансформировались в активные роли и не стали социальными критериями для приписывания статуса. Девиантные индивиды должны символически отреагировать на отклонения в своем поведении и закрепить их в своих социопсихологических образцах. Отклонения остаются первичными отклонениями или симптоматическими и ситуационными, пока они рационализируются или подвергаются дополнительному воздействию как функции социально приемлемой роли. При таких условиях нормальное поведение и поведение патологическое остаются случайными и напряженно взаимодействующими партнерами в рамках одной и той же личности. Несомненно, в нашем обществе существует огромный пласт такого сегментированного и частично интегрированного девиантного поведения, что влияет на работу многих авторов в данной области.

---

¹ Перевод И.Ясавеева по: Lemert, E.M. *Social Pathology*, New York: McGraw-Hill, 1951.

Неизвестно, насколько далеко индивид может зайти в отделении своих девиантных тенденций так, чтобы они были всего лишь причиняющими беспокойство придатками нормально воспринимаемых ролей. Возможно, это зависит от того ряда альтернативных определений одного и того же явного поведения, который он может разработать... Однако если девиантные акты повторяются и становятся очевидными, если наблюдается жесткая социетальная реакция, которая посредством процесса идентификации инкорпорируется как часть “я” индивида, то значительно возрастает вероятность того, что интеграция существующих ролей будет нарушена, и что произойдет реорганизация на основе новой роли или новых ролей. (“Я” в этом контексте является всего лишь субъективным аспектом этой социетальной реакции.) Реорганизация может заключаться в принятии другой нормальной роли, в которой тенденции, прежде определяемые как “девиантные”, получают более приемлемое социальное выражение. Другой общей возможностью является принятие девиантной роли, если такая существует, или (более редкий вариант) организация индивидом отклоняющейся секты или группы, в которой он создает для себя специальную роль. *Когда индивид начинает использовать свое девиантное поведение или свою роль, основанную на девиантном поведении, в качестве средства защиты, наступления или приспособления к своим явным и скрытым проблемам, порожденным последовавшей социетальной реакцией, его отклонение является вторичным.* Объективные проявления этого изменения обнаруживаются в символических принадлежностях новой роли, одежде, речи, позе, манерах, которые в некоторых случаях увеличивают социальную видимость, а в некоторых служат символическими указаниями на профессионализацию.

Роли индивида должны быть подкреплены реакцией других индивидов. (...) Один девиантный акт редко влечет за собой достаточно сильную социетальную реакцию для того, чтобы вызвать вторичное отклонение, если только в процессе интроекции индивид не вносит в социальную ситуацию или не проецирует на нее те смыслы, которых в ней нет. В этом случае действуют предварительные страхи. Например, в рамках культуры, когда ребенка учат тому, что существуют отчетливые различия между “хорошими” и “плохими” женщинами, единственный акт нарушения общепринятой морали предположительно может иметь глубокий смысл для “нарушившей правила” девушки. Однако сомнительно, что при отсутствии реакции со стороны семьи, соседей или общины, подкрепляющих предварительное “плохое” самоопределение, произойдет переход к вторичному отклонению. Также сомнительно, приведет ли временная подверженность личности суровой карательной реакции со стороны общины к отождествлению себя с девиантной ролью, если только, как мы сказали, этот опыт не является крайне травмирующим. Чаще всего существует прогрессирующая взаимосвязь между отклонением индивида и социетальной реакцией (когда

социетальная реакция составляет из незначительных продвижений в девиантном поведении) до тех пор, пока не будут достигнута точка, в которой отношения между обществом и девиантом становятся вполне определенными. В этой точке происходит стигматизация девианта в форме присвоения имени, наклеивания ярлыка или стереотипизации.

Порядок взаимодействия, ведущего к вторичному отклонению, является примерно следующим: 1) первичное отклонение; 2) социальные наказания; 3) дальнейшее первичное отклонение; 4) более сильные наказания и отвержение; 5) дальнейшее отклонение, сопровождающееся возможным возмущением и враждебностью, направленными на тех, кто осуществляет наказание; 6) кризис, связанный с превышением меры терпимости (выражением этого кризиса являются формальные действия общины, стигматизирующие девианта); 7) усиление девиантного поведения как реакция на стигматизацию и наказания; 8) окончательное принятие девиантного социального статуса и попытки приспособиться [к реакции общества] на основании связанной с этим девиантной роли.

В качестве иллюстрации этой последовательности можно привести поведение “трудного” школьника. По той или иной причине (скажем, излишней энергии) школьник участвует в какой-то шалости в классе, за что наказывается учителем. Спустя некоторое время он опять нечаянно нарушает порядок и опять получает выговор. Затем, как это иногда случается, мальчик обвиняется в том, чего он не делал. Когда учитель употребляет по отношению к нему такие ярлыки, как “бестолочь”, “хулиган” или другие обидные выражения, это вызывает у школьника враждебность и возмущение, и он может почувствовать, что он зажат в тисках ожидаемой от него роли. Затем может возникнуть сильный соблазн принять свою роль в классе в том виде, в каком она определяется учителем, тем более что школьник обнаруживает, что такая роль наряду с наказаниями может приносить определенные выгоды. Это не означает, конечно, что эти школьники в будущем станут делинквентами или преступниками, поскольку роль озорника может впоследствии интегрироваться с какой-либо другой ролью или ретроспективно рационализироваться как часть роли, более приемлемой для руководства школы. Если такой школьник продолжает играть неприемлемую роль и становится делинквентом, то этот процесс можно объяснить с точки зрения общей теории, излагаемой в настоящей книге. На каждой стадии этого процесса должно продолжаться усиление девиантного самоопределения и его социетальное подкрепление.

Наиболее значительные изменения личности проявляются тогда, когда социетальные определения и их субъективная сторона становятся обобщенными. Когда это происходит, основные варианты выбора сужаются до одного общего варианта. Это вполне очевидно в случае девушки – дочери бывшего заключенного, посещавшей небольшой колледж на Среднем Западе. Она постоянно говорила себе и автору, которому доверяла, что на

самом деле принадлежит к миру “ по ту сторону железной дороги”, и что ее жизнь чрезвычайно упростилась бы уступкой этому мнению и поведением в соответствии с ним. Несмотря на то, что у этой девушки наблюдалась тенденция драматизировать данный конфликт, для этого, однако, существовало определенное основание: ее самоопределение имело достаточное социетальное подкрепление тем обращением, которое она получала в отношениях со своим отцом и на свиданиях с ребятами из колледжа. ...Стоило этим юношам проводить ее домой в дешевое жилище в районе трущоб, где она жила со своим отцом, который часто пьянствовал, они сразу прекращали встречаться с ней или начинали вести себя бесцеремонно в сексуальном отношении. (...)

Говард Беккер

Девиантность как следствие “наклеивания ярлыков”¹

(С. 8–33) Согласно одной из социологических точек зрения, девиантность определяется как нарушение некоторого установленного правила. Далее исследуется, кто нарушает правила, и ведется поиск особенностей личности и жизненной ситуации, которые могут объяснить эти нарушения. Предполагается, что те, кто нарушили правило, составляют однородную категорию, поскольку все они совершили один и тот же девиантный акт.

Такое допущение, на мой взгляд, игнорирует центральный факт девиантности, который заключается в том, что девиантность создается обществом. Я не имею в виду то, что обычно понимается под такого рода утверждениями, – что причины девиантности заключаются в социальной ситуации девианта или в “социальных факторах”, которые вызвали его действие. Я имею в виду следующее: *социальные группы создают девиантность, создавая правила, нарушение которых составляет отклонение*, применяя эти правила к отдельным индивидам и наклеивая на них ярлык аутсайдеров. С этой точки зрения, девиантность – это не свойство акта индивида, а скорее следствие применения другими индивидами правил и санкций к “нарушителю”. Девиант – это тот, на кого удалось наклеить этот ярлык; девиантное (отклоняющееся) поведение – это поведение, на которое люди наклеили ярлык девиантного.

Поскольку девиантность является помимо всего прочего следствием реакции других на действие индивида, исследователи при изучении людей, на которых был наклеен ярлык девиантов, не могут исходить из допущения, что они имеют дело с однородной категорией. То есть они не должны

---

¹ Перевод И.Ясавеева по: Becker, H.S. *Outsiders*, Glencoe: Free Press, 1963.

предполагать, что эти люди действительно совершили девиантный акт или нарушили некоторое правило, поскольку процесс наклеивания ярлыков не может быть безошибочным; ярлык девианта может быть наклеен на тех людей, которые на самом деле не нарушали правила. Кроме того, нельзя предполагать, что категория людей с ярлыком девианта будет включать в себя всех тех, кто действительно нарушил правило, так как многие правонарушители могут избежать задержания и, таким образом, оказаться вне исследуемой популяции “девиантов”. Поскольку эта категория лишена однородности и не может охватить все относящиеся к ней случаи, то нельзя рассчитывать на обнаружение общих факторов личности или жизненной ситуации, которые объяснят предполагаемое отклонение.

Что же тогда есть общего у людей, на которых был наклеен ярлык девиантов? По крайней мере они имеют один и тот же ярлык аутсайдеров и опыт ношения этого ярлыка. Я начну свой анализ с этого основного сходства и буду рассматривать девиантность как результат взаимодействия между некоторой социальной группой и тем, кого группа считает нарушителем правила. Я в меньшей степени буду заниматься личными и социальными характеристиками девиантов и в большей – процессами, посредством которых они начинают восприниматься как аутсайдеры, и их реакцией на это восприятие. (...)

Степень реакции окружающих на некоторый акт как на девиантный крайне изменчива. Прежде всего, степень реакции зависит от времени. С человеком, который, как предполагается, совершил “девиантный” акт, в разное время могут обходиться по-разному. Периодические кампании против различных видов девиантности представляют собой хорошую иллюстрацию сказанному. Временами представители исполнительных органов решают предпринимать решительное наступление на какой-то отдельный вид девиантности, такой, как игорный бизнес, наркомания или гомосексуальность. Очевидно, что заниматься каким-то из этих видов деятельности гораздо опаснее во время такой кампании, чем когда-либо¹.

То, насколько девиантным будет считаться данное действие, зависит также от того, кто совершает действие и кто полагает, что ему этим действием был нанесен вред. Правила обычно применяются в большей степени к одним и в меньшей – к другим. Исследования подростковой делинквентности проясняют этот момент. Ситуация с подростками из районов прожи

---

¹ В ходе очень интересного исследования криминальных новостей в газетах американского штата Колорадо Ф.Дэвис обнаружил, что количество газетных сообщений о преступлениях в Колорадо в крайне незначительной степени связано с реальными изменениями в количестве преступлений, совершаемых в штате. Кроме того, оценки населением роста уровня преступности в Колорадо были связаны с увеличением объема криминальных новостей, а не с каким-либо реальным уровнем преступности. (См.: Davis, F.J. ‘Crime News in Colorado Newspapers’, in *American Journal of Sociology*, LVII, January, 1952, pp. 325–330)

вания среднего класса, когда их задерживает полиция, не заходит в правовом процессе столь же далеко, как в случае с подростками из районов трущоб. Для них существует меньшая вероятность быть доставленными в отделение, меньшая вероятность при доставке в отделение быть зарегистрированными и гораздо меньшая вероятность быть признанными виновными и осужденными. Это различие возникает несмотря на то, что первоначальное нарушение правила является одним и тем же в двух случаях. Подобно этому закон дифференцированным образом применяется по отношению к черным и белым. Всем хорошо известно, что черный, который, как предполагается, напал на белую женщину, с гораздо большей вероятностью будет наказан, нежели белый, совершивший точно такое же правонарушение. Однако черный, убивший другого черного, имеет гораздо меньшую вероятность быть наказанными, чем белый, совершивший убийство. В этом заключается одно из основных положений концепции беловоротничковой преступности Сазерленда: преступления, совершаемые корпорациями, почти всегда рассматриваются в рамках гражданского права, тогда как такие же преступления, совершенные индивидом, обычно рассматриваются в рамках права уголовного.

Некоторые правила применяются только тогда, когда действие имеет определенные последствия. Очевидным примером являются незамужние матери. К. Винсент указывает, что недозволенные сексуальные отношения редко ведут к строгому наказанию или общественному осуждению провинившихся. Однако если девушка забеременеет, реакция окружающих, вероятно, будет жесткой¹. (Внебрачная беременность является также интересным примером дифференцированного применения правил к различным категориям людей. Винсент отмечает, что неженатые отцы не осуждаются столь же сурово, как незамужние матери.)

В чем смысл возврата к этим расхожим наблюдениям? В том, что вместе они подтверждают следующее положение: девиантность не является простым свойством одних видов поведения, будучи чуждым другим. Это скорее результат процесса, включающего в себя реакции других людей на такое поведение. Одно и то же поведение может быть нарушением правил в одно время и не являться таковым в другое время; оно может являться нарушением, когда это поведение одного лица, и не являться таковым, когда это поведение другого; одни правила нарушаются безнаказанно, а другие – нет. Иными словами, является ли данный акт девиантным или нет, зависит отчасти от характера акта (то есть, нарушает этот акт некоторое правило или нет), а отчасти – от реакции других людей на этот акт.

Кое-кто может возразить, что это всего лишь игра слов, что можно в конце концов определять термины любым желательным образом, и что если кто-то хочет обсуждать поведение, нарушающее правила, как поведение

---

¹ См.: Vincent, C. *Unmarried Mothers*, New York: The Free Press of Glencoe, 1961, pp. 3–5.

девиантное, то для этого нет никаких препятствий. Все это, разумеется, верно. Тем не менее, имеет смысл обозначать такое поведение как *поведение, нарушающее правила* [rule-breaking behavior], оставляя термин “девиантный” для тех, на кого некоторая часть общества наклеила ярлык девианта. Я не настаиваю на том, чтобы следовать такому использованию терминов. Однако должно быть ясно, что если ученый использует термин “девиантный” для обозначения любого поведения, нарушающего правила, и делает предметом своего исследования только тех, на кого был *наклеен ярлык* девианта, то он столкнется с проблемой несоответствия этих двух категорий.

Если мы делаем объектом нашего внимания поведение, на которое наклеивается ярлык девиантного, то мы должны согласиться с тем, что до появления реакции других людей мы не можем знать, будет ли данный акт отнесен к категории девиантного. Девиантность не является качеством самого поведения, это – качество взаимодействия между индивидом, который совершает акт, и теми, кто реагирует на него. (...)

Клеймение индивида в качестве девианта имеет важные следствия в отношении дальнейшего социального участия и представления этого индивида о самом себе. Наиболее важным следствием является радикальное изменение его публичной идентичности. Совершение осуждаемого действия и обнаружение индивида на месте совершения, о чем стало известно окружающим, придают этому индивиду новый статус. Выясняется, что он является не тем, за кого его принимали. На него наклеивается ярлык “гомосексуал”, “наркоман”, “псих” или “сумасшедший”, и с ним начинают обращаться соответствующим образом.

Для анализа последствий принятия девиантной идентичности используем различие, которое Э.Хьюз проводит между главными и вспомогательными статусными чертами¹. Хьюз указывает, что большинство статусов имеют одну основную черту, которая служит для различения тех, кто принадлежит к этому статусу, и тех, кто не принадлежит. Так, врач, кем бы он ни был еще, это человек, который имеет сертификат, подтверждающий то, что он удовлетворяет определенным требованиям и наделен правом заниматься врачебной практикой. Это является главной его чертой. Как указывает Хьюз, в нашем обществе от врача обычно неформально ожидается ряд вспомогательных черт: большинство людей ожидают, что он будет относиться к высшему среднему классу, будет белым, мужчиной и протестантом. Когда это не так, то возникает ощущение, что он не соответствует своему назначению. Подобным образом, несмотря на то, что цвет кожи – это главная статусная черта, определяющая, кто черный, а кто белый, неофициально ожидается, что черные имеют одни статусные черты и лишены других. Люди удивляются и находят ненормальным, если черный ока

---

¹ См.: Hughes, E.C. ‘Dilemmas and Contradictions of Status’ in *American Journal of Sociology*, Vol.L, March 1945, pp. 353–359.

зывается врачом или профессором колледжа. Люди часто обладают главной статусной чертой, но не имеют некоторых вспомогательных, неформально ожидаемых характеристик: например, кто-то может быть врачом, будучи женщиной или черным.

Хьюз отмечает, что кто-то может иметь формальную квалификацию для обладания данным статусом, но ему может быть отказано в полном вхождении вследствие отсутствия соответствующих вспомогательных черт. Хьюз занимается этим феноменом в отношении уважаемых и желательных статусов, однако тот же процесс происходит и в случае статусов девиантных. Обладание одной девиантной чертой может иметь обобщенное символическое значение – люди автоматически допускают, что обладатель этой черты обладает также другими нежелательными характеристиками, якобы связанными с ней.

Для того, чтобы получить ярлык преступника, надо всего лишь совершить одно уголовное преступление; это все, что формально означает термин “преступник”. Однако это слово имеет ряд дополнительных значений, устанавливающих вспомогательные характеристики всякого, кто носит этот ярлык. Предполагается, что человек, осужденный за кражу со взломом и вследствие этого получивший ярлык преступника, может совершить кражи и в других домах; полиция, проводя облаву на известных преступников после совершенного преступления, действует, исходя из этой предпосылки. Предполагается, что этот человек способен совершить также другие преступления, поскольку он проявил себя как лицо, “не уважающее закон”. Таким образом, задержание за один девиантный акт делает вероятным то, что этот человек будет считаться девиантом или нежелательным лицом в других отношениях.

В анализе Хьюза есть еще один элемент, который мы можем использовать – различие главного и подчиненного статусов. Одни статусы как в нашем, так и в других обществах перевешивают все другие и имеют определенный приоритет. Раса – один из них. Принадлежность к черной расе перевешивает большинство других статусных соображений в большинстве ситуаций; тот факт, что кто-то является врачом или членом среднего класса или женщиной, не может предотвратить того, что к этому человеку будут относиться прежде всего как к черному и только затем как к врачу, представителю среднего класса или женщине. Статус девианта (в зависимости от вида отклонения) является главным статусом такого рода. Этот статус получают в результате нарушения правила, и эта идентификация оказывается более важной, чем все остальные. Человек прежде всего будет идентифицироваться как девиант, и только затем как кто-то еще.

Герберт Блумер

Социальные проблемы как коллективное поведение¹

Основной мой тезис заключается в том, что социальные проблемы не имеют независимого существования в качестве совокупности объективных социальных условий, а являются прежде всего результатами процесса коллективного определения. Этот тезис идет вразрез с той посылкой, которая лежит в основании обычного социологического исследования социальных проблем.

Начнем с краткого описания традиционного социологического подхода к исследованию и анализу социальных проблем. Такой подход предполагает, что социальная проблема существует как объективное условие в структуре общества. Считается, что это объективное условие имеет вредную или злокачественную природу, противоположную природе нормального или социально здорового общества. На социологическом жаргоне это определяется как состояние дисфункции, патологии, дезорганизации или девиантности. Задача социолога заключается в том, чтобы выявить вредное условие и разложить его на существенные элементы или части. Этот анализ объективного строения социальной проблемы обычно сопровождается определением условий, которые вызвали проблему, и предложением путей ее разрешения. Проанализировав объективную природу социальной проблемы, установив ее причины и указав, каким образом проблема может быть решена, социолог полагает, что он выполнил свою научную миссию. Знание и информация, которую он собрал, могут, с одной стороны, пополнить запас научного знания, а с другой – быть предоставлены политикам и рядовым гражданам.

Такой типичный для социологии подход представляется на первый взгляд логичным, обоснованным и оправданным. Однако, на мой взгляд, он отражает грубое непонимание природы социальных проблем и, соответственно, является крайне неэффективным в обеспечении контроля над ними. В качестве первоначального, исходного указания на неадекватность этого подхода определим в нескольких словах, в чем заключается ложный или недоказанный характер его ключевых допущений.

Во-первых, современные социологическая теория и социологическое знание сами по себе не способны установить или идентифицировать социальную проблему. Социологи распознают социальные проблемы только после их признания в качестве таковых обществом. Социологическое признание социальных проблем идет в кильватере социетального признания,

---

¹ Перевод И.Ясавеева по: Blumer, G. 'Social Problems as Collective Behaviour', in *Social Problems*, vol. 18, 1971, pp. 298–306.

меня направление вместе с ветром общественной идентификации социальных проблем. Примеров этому имеется множество. Бедность была серьезной социальной проблемой для социологов полвека назад, затем практически исчезла с социологической сцены в 1940-е и в начале 1950-х гг., а затем вновь появилась в наше время. ...Загрязнение окружающей среды является социальной проблемой современного типа для социологов, хотя существование и проявления угрожающей экологической ситуации насчитывают не один десяток лет. Проблема неравенства женского статуса, столь решительно заявляющая о себе на нашей научной сцене, имела периферийное значение для социологов несколько лет назад. Не обращаясь к другим примерам, я просто утверждаю, что, идентифицируя социальные проблемы, социологи постоянно руководствовались тем, что находилось в фокусе общественного беспокойства. Этот вывод подтверждается безразличием социологов и общества в равной степени по отношению ко многим сомнительным и угрожающим феноменам современной жизни. Эти феномены могут отмечаться время от времени, но, несмотря на их серьезность, они не получают статуса социальных проблем в работе социологов. Приведу лишь несколько приходящих на ум примеров: колоссальная и продолжающаяся развиваться заорганизованность современной жизни, ...губительные социальные последствия нашей национальной системы автомагистралей, пагубные социальные последствия идеологии "роста", неприглядные стороны обычной деловой этики. (...) Я полагаю, эмпирические данные ясно показывают, что признание социальных проблем социологами основывается на общественном признании.

К сказанному остается только добавить, что, несмотря на претензии социологов, социологическая теория *сама по себе* совершенно беспомощна в определении или идентификации социальных проблем. Это заметно в отношении трех наиболее "престижных" социологических понятий, которые используются в настоящее время для объяснения возникновения социальных проблем, а именно, понятий "девиантность", "дисфункция" и "структурное напряжение". В качестве средства идентификации социальных проблем перечисленные понятия оказываются бесполезными. Во-первых, ни одно из них не имеет набора исходных показателей, на основании которых исследователь мог бы обнаружить в эмпирическом мире так называемые примеры девиантности, дисфункции или структурного напряжения. Испытывая недостаток таких ясных идентифицирующих характеристик, исследователь не может обратиться к какому-либо социальному условию и установить, является оно примером девиантности, дисфункции, структурного напряжения или нет. Однако этот недостаток, серьезный уже сам по себе, не является самым существенным в рассматриваемом мною вопросе. Значительно более важной представляется неспособность исследователя объяснить, почему одни примеры девиантности, дисфункции или структурного напряжения, замеченные им, не могут достичь статуса соци

альных проблем, тогда как другие получают этот статус. Существует множество разнообразных видов девиантности, которые не получают признания в качестве социальных проблем; нам никогда не говорят, как или когда отклонение становится социальной проблемой. Так же точно существует множество предполагаемых дисфункций или структурных напряжений, которые в качестве социальных проблем никогда не рассматриваются, и нам не говорят, как и когда так называемые дисфункции или структурные напряжения становятся социальными проблемами. Очевидно, что нет тождества между девиантностью, дисфункцией и структурным напряжением с одной стороны, и социальными проблемами – с другой.

Если традиционная социологическая теория решительно неспособна идентифицировать социальные проблемы, и если социологи занимаются такой идентификацией, ориентируясь на общественное признание социальных проблем, то из этого следует, что исследователи социальных проблем должны изучать процесс, посредством которого общество признает социальные проблемы. Социологи, однако, этим не занимались.

Второй недостаток традиционного социологического подхода заключается в том его допущении, что социальная проблема существует в обществе главным образом в форме идентифицируемого объективного условия. Социологи относятся к социальной проблеме так, словно она состоит из ряда объективных компонентов, таких, как уровни или показатели, тип людей, связанных с данной проблемой, их число, их социальные характеристики, отношение их условий к различным отобраным социетальным факторам. Предполагается, что разложение социальных проблем на подобные объективные элементы позволяет “схватить” сущность проблемы и представляет собой ее научный анализ. На мой взгляд, это допущение ошибочно. Как я предполагаю показать ниже, социальная проблема существует прежде всего с той точки зрения определения и восприятия в обществе, не являясь объективным условием с определенной объективной структурой. Социетальное определение придает социальной проблеме ее характер, обуславливает как подход к ней, так и то, что предпринимается в отношении этой проблемы. Относительно этого решающего влияния так называемое объективное существование или структура социальной проблемы на самом деле весьма вторичны. Социолог может отмечать, что на его взгляд является пагубным условием в обществе, но общество может игнорировать существование этого условия. В таком случае условие не является социальной проблемой для общества, несмотря на доказанное объективное его существование. ...Эти наблюдения свидетельствуют о необходимости исследовать процесс, посредством которого общество рассматривает, определяет свои социальные проблемы и обращается с ними. Исследователи социальных проблем очевидно игнорировали этот процесс, поскольку в социологической теории он не рассматривается.

Третье крайне спорное допущение, составляющее основание традиционной ориентации социологов в исследовании социальных проблем, заключается в том, что данные, полученные в результате исследования объективной структуры социальной проблемы, наделяют общество надежными и эффективными средствами ее решения. Все, что необходимо или следует сделать обществу, это обратить внимание на представленные данные и следовать той логике действий в отношении проблемы, которую эти данные подсказывают. Однако во многом это допущение является абсурдным. Оно игнорирует или искажает то, каким образом действует общество в отношении социальных проблем. Социальная проблема всегда является средоточием различных, подчас конфликтующих интересов, намерений и целей. Именно взаимодействие этих интересов и целей определяет то, каким образом общество действует в отношении какой-либо социальной проблемы. Социологическое описание объективной структуры данной проблемы находится далеко за пределами указанного взаимодействия. ...Эта удаленность социологического исследования от реального процесса деятельности общества в отношении его проблем является главной причиной неэффективности социологического изучения социальных проблем.

Отмеченные выше недостатки имеют принципиальный характер, однако их критика является лишь началом необходимой полноценной критики традиционного социологического подхода к социальным проблемам. Вместе с тем, они служат ключом и, следовательно, прологом к развитию того тезиса, что социальные проблемы являются результатом процесса коллективного определения. Этот процесс обуславливает возникновение социальных проблем, то, каким образом они представляются, подход к ним и их рассмотрение, форму разрабатываемого официального плана решения проблемы и трансформацию этого плана в ходе его осуществления. Короче говоря, процесс коллективного определения детерминирует развитие и судьбу социальных проблем от начальной точки их возникновения до конечного пункта существования. Проблемы существуют прежде всего в этом процессе коллективного определения, а не являются некой объективной сферой опасности. Неспособность признать этот факт составляет, на мой взгляд, фундаментальный недостаток социологического исследования социальных проблем. (...)

Для того, чтобы понять возникновение, развитие и судьбу социальных проблем в рамках процесса коллективного определения, необходимо рассмотреть механизм последнего. На мой взгляд, данный процесс включает в себя пять стадий: 1) возникновение социальной проблемы, 2) легитимация проблемы, 3) мобилизация действия в отношении проблемы, 4) формирование официального плана действия и 5) трансформация официального плана в ходе его эмпирического осуществления.

Возникновение социальных проблем

Социальные проблемы не являются результатом существенных сбоев в функционировании общества, это результат процесса определения, в ходе которого данное условие отбирается и идентифицируется как социальная проблема. Социальная проблема не существует для общества до тех пор, пока общество не признает, что она существует. Не осознавая социальную проблему, общество не воспринимает ее, не обращается к ней, не обсуждает ее и ничего не предпринимает. Проблемы просто нет. Необходимо, следовательно, рассмотреть, каким образом возникают социальные проблемы. Несмотря на решающее значение этого вопроса, он, в сущности, игнорировался социологами.

Грубой ошибкой было бы полагать, что любое вредное или злокачественное социальное условие в обществе автоматически становится социальной проблемой для этого общества. История изобилует примерами ужасных социальных условий, не замечаемыми в тех обществах, в которых они возникали. Внимательные наблюдатели, использующие стандарты какого-либо общества, могут заметить существование вредных условий в другом обществе, абсолютно не воспринимаемых как проблемы членами последнего. Далее, индивиды, проникательные в отношении своего общества или наделенные в результате бедствий способностью воспринимать определенные социальные условия своего общества как вредные, могут быть бессильны в том, чтобы пробудить какое-либо общественное беспокойство относительно этих условий. Кроме того, данные социальные условия могут игнорироваться в один период времени, и, совершенно не изменившись, стать предметом глубокого беспокойства – в другой. Подобного рода примеры настолько часто встречаются, что не требуют документального подтверждения. Большая часть наблюдений и размышлений ясно показывает, что признание обществом социальных проблем является крайне избирательным процессом, при этом многие вредные социальные условия не удостоиваются никакого внимания, а другие оказываются на обочине зачастую жестокой конкурентной борьбы [между социальными проблемами]. Многие проблемы находятся на пути к социетальному признанию, но лишь некоторые из них достигают конца этого пути.

Можно предположить, что исследователи социальных проблем должны почти автоматически считаться с необходимостью изучать процесс, посредством которого данные социальные условия признаются в качестве социальных проблем. Однако в общем и целом социологи либо не считают с этой необходимостью, либо обходят ее. Социологические трюизмы, такие, как “восприятие социальных проблем зависит от идеологий или традиционных убеждений”, практически ничего не говорят нам о том, что общество избирает в качестве своих социальных проблем, и каким образом это происходит. Вряд ли проводились какие-либо исследования, и накоплено ничтожно мало сведений о следующем:

- роль агитации в достижении признания проблемы;
- роль насилия в обретении такого признания;
- деятельность заинтересованных групп, ожидающих получения материальных выгод в результате перевода некоего условия на уровень проблемы (таких, как полиция в случае с современной проблемой преступности и наркомании);
- роль политических деятелей в провоцировании беспокойства относительно одних проблем и снижении беспокойства относительно других;
- роль влиятельных организаций и корпораций в том же процессе;
- беспомощность групп, не обладающих властью, в привлечении внимания к тому, что они считают проблемами;
- роль средств массовой коммуникации в отборе социальных проблем;
- роль случайных, шокирующих общественность событий.

Существует огромная область, требующая исследования в том случае, если мы хотим разобраться в простом, но фундаментальном вопросе: каким образом возникают социальные проблемы. (..)

Легитимация социальных проблем

Социетальное признание дает жизнь социальной проблеме. Но для того, чтобы социальная проблема развивалась и не гибла, едва родившись, она должна получить социальную легитимность. Рассуждение о том, что социальные проблемы должны быть легитимированы, может показаться странным. Тем не менее, после приобретения первоначального признания социальная проблема должна получить социальную поддержку (endorsement) для того, чтобы восприниматься серьезно и продвигаться в своем развитии. Социальная проблема должна приобрести необходимую степень респектабельности, предоставляющей ей право быть рассматриваемой на признанных аренах общественного обсуждения. В нашем обществе такими аренами являются пресса, другие средства коммуникации, церковь, школа, гражданские организации, законодательные собрания и места сосредоточения должностных лиц (бюрократии). Если социальная проблема не имеет мандата респектабельности, необходимого для выхода на такие арены, то она обречена. Не следует думать, что признание данного социального условия опасным некоторыми людьми – теми, кто действительно обращает на него внимание посредством агитации, – означает, что проблема прорвется на арену общественного рассмотрения. Напротив, проблема, о которой говорят, может считаться незначительной, не заслуживающей рассмотрения, соответствующей обычному порядку вещей и, таким образом, не требующей вмешательства; необходимость ее разрешения может быть признана противоречащей порядку приоритетности рассмотрения проблем, а само ее существование может расцениваться как

кликушество подозрительных или разлагающих общество элементов. Любое из этих условий может помешать уже признанной проблеме приобрести легитимность. Если социальная проблема не в состоянии получить легитимность, она “застревает” и “чахнет” за пределами арены общественного действия.

Мне хочется подчеркнуть, что из широкого множества социальных условий, признаваемых вредными различными группами людей, легитимности достигают относительно немногие. Здесь мы вновь сталкиваемся с избирательным процессом, в ходе которого одни развивающиеся социальные проблемы ставятся перед необходимостью отказа от своих притязаний, другие игнорируются, третьи вынуждены пробивать себе дорогу к респектабельному статусу, четвертые продвигаются к легитимности посредством сильной и влиятельной поддержки. Мы очень мало знаем об этом избирательном процессе, который должны пройти социальные проблемы для того, чтобы достичь стадии легитимности. Разумеется, такой переход не обуславливается лишь степенью важности данной социальной проблемы. Он также не обуславливается ни предшествующим состоянием общественного интереса или знания, ни так называемыми общественными идеологиями. Этот избирательный процесс гораздо сложнее, чем предполагают эти простые и тривиальные идеи. Очевидно, многие факторы, которые воздействуют на признание социальных проблем, продолжают играть свою роль и в отношении легитимации последних. Ясно, однако, что существуют и другие благоприятные факторы, благодаря которым социальные проблемы получают едва уловимое качество социальной респектабельности. Мы многого не знаем об этом процессе, поскольку он практически не исследовался. Безусловно, этот вопрос является важнейшим, и его нельзя обходить стороной в исследованиях социальных проблем.

Мобилизация действия

Если социальная проблема прошла стадии социетального признания и социальной легитимации, она вступает в новую стадию своего развития. Проблема теперь становится объектом обсуждения, полемики, различных описаний и разнообразных требований. Те, кто стремится к изменениям по части данной социальной проблемы, сталкиваются с теми, кто пытается защищать интересы истеблишмента в этой области. Завышенные требования и искаженные описания, содействующие интересам истеблишмента, становятся общераспространенным явлением. Чувства и представления посторонних, чье отношение к данной ситуации является косвенным, тоже вносят свой вклад в построение проблемы. Обсуждение, защита, оценка, фальсификация, отвлекающая тактика и выдвижение предложений – все это имеет место в деятельности средств коммуникации, в стихийных и организованных митингах, в работе законодательных палат. ...Все это составляет мобилизацию общества в отношении социальной проблемы. Едва

ли необходимо указывать, что судьба социальной проблемы в значительной степени зависит от того, что произойдет в ходе процесса мобилизации. Как определяется проблема, как она изменяется под влиянием пробудившегося социального чувства, как она изображается с целью защиты интересов истеблишмента и как она отражает роль стратегических позиций и власти – все это неизбежные вопросы, говорящие о важности процесса мобилизации действия.

Как мне представляется, исследователи социальных проблем обходят вниманием и эту стадию процесса коллективного определения. В основном наше знание об этой стадии исходит от исследователей общественного мнения. Тем не менее, их вклад фрагментарен и крайне неадекватен прежде всего вследствие отсутствия детального эмпирического анализа этого процесса. Исследования общественного мнения очень мало говорят о том, каким образом определенные социальные проблемы выживают в этих столкновениях, и как они переопределяются для того, чтобы выжить. Точно так же они почти ничего не говорят нам о том, как “отмирают” другие социальные проблемы, постепенно исчезающие именно на этой стадии. Исследователи, не замечающие этой решающей стадии в развитии (“карьере”) социальных проблем, представляются мне крайне близорукими.

Формирование официального плана действия

На этой стадии карьеры социальных проблем формируется решение общества относительно того, как действовать в отношении данной проблемы. Данная стадия включает в себя составление официального плана действий так, как это происходит в парламентских комитетах, законодательных палатах и исполнительных органах. Официальный план почти всегда является результатом согласования различных взглядов и интересов. Компромиссы, уступки, сделки, подчинение влиянию, реакция на власть и обсуждение того, что может быть осуществлено, – все это оказывает влияние на конечную формулировку. Это процесс определения и переопределения в концентрированной форме, который включает в себя формирование, переработку и исправление коллективного образа социальной проблемы, вследствие чего результат может в значительной степени отличаться от того, как представлялась проблема на ранней стадии своей карьеры. Предписанный официальный план сам по себе составляет официальное определение проблемы; он представляет то, каким образом общество воспринимает проблему посредством своего официального аппарата, и как оно намерено действовать в отношении проблемы. Подобные замечания тривиальны, тем не менее, они указывают на ход процесса определения, который имеет реальное значение для судьбы проблемы. Разумеется, эффективное исследование социальных проблем должно включать в себя изучение того, что происходит с проблемой в ходе этого определения официального действия.

Осуществление официального плана

Предполагать, что официальный план и его осуществление на практике суть одно и то же, значит не считаться с фактами. На практике в ходе своего воплощения этот план всегда в некоторой (часто – в значительной) степени модифицируется, переформулируется, причем иногда непредвиденным образом. Этого и следует ожидать. Осуществление плана возвещает начало нового процесса коллективного определения. Оно закладывает основы формирования новых линий действия со стороны тех, кто вовлечен в проблему, и тех, кого затронул этот план. Люди, которым угрожает опасность утраты существующих преимуществ, стараются ограничить данный план или направить его в другую сторону. Те же, кто выигрывает в результате осуществления этого плана, могут стремиться использовать новые возможности. Еще один вариант заключается в том, что обе группы могут вырабатывать новые, не предусмотренные планом компромиссные соглашения. Административный персонал склонен подменять своей политикой политику официальную, лежащую в основании плана. Часто разрабатываются различного рода секретные приемы, которые оставляют незатронутыми центральные области социальной проблемы или трансформируют другие области таким способом, который никогда не предполагался официально. Такого рода приемами, блокировками, непредусмотренными дополнениями и непреднамеренными трансформациями, о которых я говорю, изобиловали многие попытки осуществления официальных планов на практике. Подобные следствия бросались в глаза при осуществлении восемнадцатой поправки [к Конституции США, то есть “сухого закона”]. Они заметны в случае с органами социального контроля в нашей стране. Они должны просматриваться в случае с большинством новых программ осуществления законов, предназначенных бороться с проблемой преступности. Я не вижу более важного, менее понятного и менее исследованного аспекта общей области социальных проблем, чем аспект непредвиденной и непреднамеренной перестройки области социальной проблемы, происходящей при осуществлении официального плана действия. Я не могу понять, почему исследователи социальных проблем (как в своих исследованиях, так и при построении своих теорий) позволяют себе игнорировать эту решающую стадию в существовании социальных проблем.

* * *

Я надеюсь, что мое различение этих пяти стадий в карьере социальных проблем показывает необходимость развития новых перспектив и подходов в социологическом исследовании социальных проблем. Размещение социальных проблем в контексте процесса коллективного определения представляется мне совершенно необходимым. Именно этот процесс детерминирует признание существования проблемы и необходимости ее рассмотрения; он определяет и то, каким образом она должна рассматривать

ся, что должно быть сделано, и как она перестраивается при попытках контроля над ней. Социальные проблемы обретают свое существование, свое развитие и свою судьбу в этом процессе. Игнорирование этого процесса может вести к получению лишь фрагментарного знания и мнимой картины социальных проблем.

Мои рассуждения не следует толковать как отрицание значения традиционного подхода социологов к теме социальных проблем. Знание объективной составляющей социальных проблем (что является целью этого подхода) необходимо для устранения неведения или неверной информации относительно этой составляющей. Тем не менее, такое знание является крайне неадекватным как в отношении действий, так и в отношении развития социологической теории. Относительно действий знание объективной составляющей социальной проблемы имеет значение только в той степени, в какой оно участвует в процессе коллективного определения, определяющем судьбу социальной проблемы. В этом процессе такое знание может игнорироваться, искажаться или подавляться другими соображениями. Не требует доказательств, на мой взгляд, и то, что социологи, стремящиеся к улучшению условий с помощью своих исследований, должны более тщательно исследовать и более адекватно понимать процесс коллективного определения, посредством которого происходят изменения. С точки зрения социологической теории, знание объективной составляющей социальных проблем в сущности бесполезно. Оно бесполезно потому, что, как я пытался показать, социальные проблемы относятся не к объективным областям, на которые они лишь указывают, а к процессу их рассмотрения и определения в обществе. Все эмпирические данные, которые я мог найти, несомненно ведут к этому заключению. Я бы приветствовал любые данные, противоречащие ему. Социологи, которые стремятся разрабатывать теорию социальных проблем и при этом исходят из посылки, что социальные проблемы свойственны некоторого рода объективной социальной структуре, неправильно понимают мир. Относить социальные проблемы к предполагаемым структурным напряжениям, нарушениям равновесия социальной системы, дисфункциям, распаду социальных норм, конфликту социальных ценностей или отклонению от социального конформизма означает невольное перенесение в область предполагаемой социальной структуры того, что является частью процесса коллективного определения. Как я уже говорил, ни одно из этих понятий не способно объяснить, почему одни эмпирические примеры, охватываемые этими понятиями, становятся социальными проблемами, а другие – нет. Это объяснение следует искать в процессе коллективного определения. Если социологическая теория стремится быть обоснованной в своем знании эмпирического мира социальных проблем, она должна обращать внимание на природу этого мира и считаться с ней.